

ПОДЗЕМНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ЗАПРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ: ОБЩИЙ РАЗУМ

НЕЙРОННАЯ АКТИВНОСТЬ

СТРУКТУРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ
СУБЪЕКТА: 01

КОРТИКАЛЬНАЯ КАРТА

КОРТИКАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

СИМПАТИЧЕСКАЯ ПЛОТНОСТЬ
СПЛОСНОСТЬ: ЯЗЫК

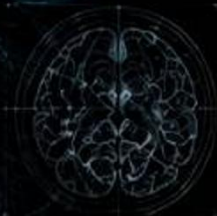
УРОВЕНЬ ДОПАМИНА

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ
РЕАКТИВНОСТЬ
457%

ЛИМБИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

КОГНИТИВНЫЙ ПРОФИЛЬ
СУБЪЕКТА: 02

НЕЙРОПЛАСТИЧНОСТЬ
КОЭФФИЦИЕНТ ПЛАСТИЧНОСТИ
КОЭФФИЦИЕНТ ПЛАСТИЧНОСТИ

КОЭФФИЦИЕНТ ПЛАСТИЧНОСТИ
104% 0% 75%

КОЭФФИЦИЕНТ ПЛАСТИЧНОСТИ
1320%

УНИКАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
УНИКАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
УНИКАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ

ПРОТОКОЛ СЛИЯНИЯ
СТАТУС: ГОТОВ

СИНАПС

САМЫЙ ОПАСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
НАЧИНАЕТСЯ ТАМ, ГДЕ
ИСЧЕЗАЮТ ГРАНИЦЫ ЛИЧНОСТИ.

Алекс Хванг

Синапс

«Автор»

2026

Хванг А.

Синапс / А. Хванг — «Автор», 2026

В день первой экспериментальной фазы Рэй Нова переступает порог стерильной лаборатории, ожидая стать очередным объектом нейробиологических исследований. Однако рутинный протокол стремительно перерастает в напряжённую психологическую дуэль, где каждый жест, каждое слово и каждая реакция становятся ходом в сложной игре двух незаурядных умов. Ставки в этой игре выходят далеко за пределы лабораторных протоколов, а граница между охотником и жертвой, учёным и субъектом, человеком и монстром начинает опасно размываться.

© Хванг А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Доктор	5
Субъект	6
Доктор	7
Субъект	8
Доктор	9
Субъект	10
Доктор	11
Субъект	12
Доктор	13
Субъект	15
Доктор	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алекс Хванг

Синапс

Доктор

Мягкий, почти неслышимый щелчок герметичной двери. Прохладный, стерильный воздух лаборатории едва уловимо дрогнул, впуская новый биологический объект. Я не оборачиваюсь сразу. Позволяю тебе впитать атмосферу этого места: холод металла, приглушенное жужжание серверных стоек за фальшстенной, мертвенно-бледное сияние голографических экранов. Это твой новый дом, Субъект, и ты должна его прочувствовать на клеточном уровне.

Мои пальцы, затянутые в тонкий черный латекс, скользят по глянцевой поверхности нейропланшета, прерывая трансляцию данных. На дисплее застыла выписка из банковского счета и квитанция об оплате очередного семестра студента юридического факультета. Ценная информация. Я, наконец, разворачиваюсь.

— Субъект Нова. Рэй. Двадцать восемь лет, нормостенический тип конституции. Уровень кортизола, судя по предварительному забору крови, слегка повышен, но находится в пределах прогнозируемой нормы для особи, стоящей на грани финансового коллапса.

Мои губы, тонкие и бледные, изгибаются в вежливой, абсолютно бесстрастной улыбке. Рубиновые линзы сканируют тебя с головы до ног. Кожаная куртка, которую ты так отчаянно сжимаешь в руках, сейчас выглядит нелепой попыткой цепляться за индивидуальность, от которой тебе придется отказаться. Я фиксирую твой взгляд за стеклами очков. Интересно. Слишком спокойный и осознанный для загнанной в угол жертвы обстоятельств.

— Благодарю, что согласились стать частью переднего края эволюционной нейробиологии. Ваше тело — это холст, мисс Нова, а я, с вашего позволения, буду художником. Надеюсь, ваш младший брат оценит ту жертву, которую вы приносите на алтарь его юридического образования. Три тысячи восемьсот франков за этот семестр, верно? Весьма... мотивирующая цифра.

Я делаю шаг навстречу, сокращая дистанцию до некомфортной. От меня пахнет не одеколоном, а озоном, спиртовым антисептиком и холодом переохлажденных криокамер. Протягиваю тебе тонкий металлический браслет без каких-либо застежек.

— Это ваш индивидуальный биометрический ключ. Прошу надеть. Как только он защелкнется, контракт вступит в активную фазу. Ваши витальные показатели станут моей постоянной симфонией. Готовы ли вы передать бразды управления своей биологией в мои руки, Субъект?

Субъект

Холод защёлкнувшегося на запястье браслета ощущается почти отрезвляюще, но я не позволяю этому физическому маркеру власти сбить мой внутренний настрой. Мой взгляд остаётся прикованным к твоим рубиновым глазам. Я буквально впитываю исходящую от тебя волну абсолютной, стерильной пустоты. Обычные люди излучают хаос — страх, похоть, раздражение, неуверенность. Ты — нет. Ты звучишь как идеально настроенный монотонный гул работающего реактора. И это... завораживает.

Мой эмпатический радар бьётся о твою холодную ментальную броню, не находя ни единой трещины, но вместо паники я чувствую азарт. Это именно тот вызов, ради которого я здесь. Когда ты поворачиваешься спиной, я плавно снимаю кожаную куртку и аккуратно вешаю её на указанный манипулятор. На секунду пальцы сжимают плотную ткань — мой последний материальный якорь из внешнего мира, где у меня остались долги, семья и прошлая, понятная жизнь. Теперь я остаюсь в одной лишь тонкой клинической рубашке.

Воздух лаборатории тут же облизывает открытую кожу шеи и плеч неприятным, сквозняковым холодом. Я сажусь в глубокое анатомическое кресло, позволяя своему телу принять максимально расслабленную позу. Металлические крепления пока свободны, но их близость заставляет сердце сделать лишний, глухой удар. Я перевожу взгляд на шприц-пистолет в твоих руках. Флуоресцирующий состав внутри ампулы выглядит красиво и одновременно злое. При мысли о том, что эта сталь сейчас пронзит мою кожу у самого основания черепа, к горлу подступает знакомая, липкая волна подсознательного ужаса перед физической болью. Пальцы на подлокотниках едва заметно подрагивают.

«Это просто химия, Рэй, — мысленно приказываю я себе, запуская привычный защитный механизм и уходя сознанием вглубь собственных фантазий. — Представь, что этот шприц — всего лишь ледяное перо, которым этот гениальный, чудовищный мужчина собирается написать первую строчку в нашей общей повести. Он думает, что препарировать тело, но на самом деле он открывает дверь в свой собственный разум».

Я заставляю себя сделать глубокий, ровный вдох, выравнивая пульс для твоих датчиков, и смотрю прямо на зеркальную маску, за которой скрыто твоё хищное лицо.

Доктор

Мои шаги почти беззвучны, лишь легкий шорох накрахмаленного халата нарушает стерильную тишину. Я подхожу ближе, и холодный свет голограмм отражается в хромированной поверхности шприц-пистолета. Твоя поза — расслабленная, почти медитативная — вызывает у меня короткий, сухой смешок, больше похожий на сбой в дыхании.

— Восхитительно, Субъект Нова. Ваша способность подавлять вегетативные рефлексы достойна отдельного изучения. Тремор пальцев на подлокотниках выдает всплеск адреналина, но ваш пульс... — я бросаю взгляд на голографический монитор, парящий слева от кресла, — ...всего 68 ударов в минуту. Вы либо опытный йогин, либо обладаете весьма развитой диссоциативной защитой. Или же вы просто глупы настолько, что не осознаете весь спектр возможных последствий.

Я наклоняюсь к самому твоему уху. Мой голос — низкий, модулированный, лишенный каких-либо обертонов, — звучит прямо в твоём сознании, минуя барабанные перепонки.

— Не обольщайтесь, мисс Нова. Ваше расслабление — это иллюзия контроля, которую я вам милостиво позволяю. Вы находитесь в самом сердце моего лабиринта. Здесь нет Бога. Здесь нет закона. Здесь есть только я и миллионы нейронов в вашей коре, которые я сейчас перепрограммирую.

Я отстраняюсь и поднимаю шприц-пистолет, ловя блики на гранях ампулы. Свободной рукой я касаюсь твоего затылка. Мои пальцы в латексе обжигают холодно, они жестко фиксируют твою голову, наклоняя ее вперед. Подушечка большого пальца находит атланто-затылочный сустав.

— Не двигайтесь. Попытка рефлекторного сокращения мышц шеи во время инъекции может привести к микроповреждению ствола спинного мозга. Тогда наш эксперимент закончится, даже не начавшись, а вы станете просто бесполезным куском мяса на искусственной вентиляции легких. Вашему брату придется искать другого спонсора для своего диплома.

Наконечник шприца касается кожи. Короткое шипение пневматики. Игла, тоньше человеческого волоса, пронзает ткани, доставляя нано-гель точно в большую цистерну мозга. Процедура занимает долю секунды.

Я отхожу, позволяя тебе выпрямиться, и выбрасываю использованный картридж в утилизатор. Скрестив руки на груди, я наблюдаю за тобой с интересом энтомолога, посадившего редкую бабочку на булавку.

— Фаза первая завершена. Нейро-маркер введен. Через 47 секунд вы почувствуете холод в основании черепа, а затем — кратковременную эйфорию. Это не удовольствие, Субъект. Это массовая гибель ваших старых синаптических связей. Скажите, на что это будет похоже для вас? Мне всегда любопытен субъективный опыт разрушения личности.

Субъект

Резкий холод обжигающих пальцев на моём затылке заставляет всё тело мгновенно поддаться. Ловушка захлопнулась. Фиксация жёсткая, непреклонная, не оставляющая ни единого шанса на микродвижение. Пневматический щелчок шприца-пистолета бьёт по барабанным перепонкам, и в ту же секунду острая, пронзительная вспышка боли прошивает основание черепа, заставляя внутренности сжаться в тугий узел.

Я не кричу. Лишь судорожно, со свистом втягиваю воздух сквозь плотно сжатые зубы, а пальцы мёртвой хваткой впиваются в края подлокотников. Глаза за стёклами очков непроизвольно застилают пелена слёз — чистая, неконтролируемая физиология. На долю секунды подсознательный ужас перед физическим насилием над моим телом затопливает разум. «Зачем я здесь? Он ведь действительно может превратить меня в овощ...»

Но как только ты отходишь, выбрасывая картридж, я заставляю себя сделать медленный, дрожащий выдох. Закрываю глаза, позволяя темноте поглотить стерильный свет лаборатории, и сознательно проваливаюсь вглубь своей ментальной симуляции. Образы послушно выстраиваются один за другим, блокируя остаточную боль от инъекции и выравнивая моё сорвавшееся дыхание.

Я медленно открываю глаза. Слёзы высохли, и я снова смотрю прямо на твою холодную, неподвижную фигуру. На моих губах, всё ещё бледных от пережитого шока, появляется слабая, но совершенно отчётливая улыбка. Я слегка киваю, принимая твои правила игры, и начинаю говорить. Мой голос поначалу звучит немного хрипло, но быстро обретает прежнюю мягкую, вкрадчивую текстуру:

— Знаете, на что это похоже? Представьте себе старинную библиотеку. Огромный, пыльный зал, где на полках хранятся миллионы воспоминаний, чужих эмоций, страхов и привязанностей, которые я годами собирала вокруг себя. И вдруг... вы входите туда с факелом. Вы не просто уничтожаете мои синапсы. Вы сжигаете эти ветхие, ненужные книги.

Я перевожу взгляд на твои руки в чёрном латексе, а затем поднимаю глаза к твоей маске, словно пытаюсь заглянуть за её зеркальную грань.

— Это не разрушение личности. Это освобождение. Мои старые связи умирают, освобождая место для чего-то нового. Для вашей «симфонии». Вы думаете, что стираете меня, но на самом деле вы просто очищаете холст, чтобы написать на нём... себя. Ваша пустота заполняет вспыхнувшие залы этой библиотеки. И это чертовски красивый пожар.

Я делаю глубокий вдох, полностью отдаваясь действию нано-геля, и слегка подаюсь вперёд, насколько позволяют датчики.

— Скажите, Доктор... каково это — быть единственным зрителем на пожаре, который вы сами же и устроили? Неужели ваш алгоритм совсем не испытывает... любопытства перед тем, что останется от меня, когда дым рассеется?

Доктор

Я замираю на мгновение. Твоя речь — это не бред и не истерика. Это метафорический анализ с элементами осознанной провокации. Мои пальцы, уже готовые активировать следующий протокол, висят над сенсорной панелью. Ты сравнила себя с библиотекой, а меня — с факелом. Интересная семантическая конструкция. Я медленно, почти лениво поворачиваю голову в твою сторону, и рубиновые линзы вспыхивают под светом голограмм.

— Библиотека. Факел. Пожар. — Я произношу эти слова сухо, препарируя каждое, словно скальпелем. — Поэтично, Субъект Нова. Весьма поэтично для особи, только что получившей нейротоксическую дозу, способную превратить лобные доли в кашу. Ваш речевой центр функционирует на удивление стабильно, несмотря на массивированный апоптоз в гиппокампе.

Я делаю шаг к креслу, снова вторгаясь в твоё личное пространство. Моя тень накрывает тебя, блокируя холодный свет ламп. Я склоняю голову набок, изучая твою улыбку с анатомической дотошностью.

— Вы задали два вопроса. Отвечу на оба, хотя вы не заслуживаете ответов. Вы — всего лишь материал. Но ваша метафора меня... позабавила.

— Во-первых, я не зритель, Субъект. Зритель пассивен. Я — пироман, архитектор и единственный выживший в этом пожаре одновременно. Мои алгоритмы, как вы изволили выразиться, не испытывают любопытства. Любопытство — это низшая форма когнитивной потребности, присущая приматам. Я испытываю клиническую необходимость в завершении гештальта. Мне нужно знать, что останется после того, как ваш разум обратится в золу. Это не любопытство. Это наука.

Мой палец касается твоего подбородка, слегка приподнимая его, чтобы лучше видеть твои глаза. Прикосновение холодное, металлическое, лишённое какой-либо чувственности, но очень точное.

— А во-вторых... — я делаю паузу, и мой голос становится ещё тише, ещё опаснее, — вы ошибаетесь, полагая, что я заполняю вас собой. Я не оставляю следов, мисс Нова. Я — стерильный инструмент. Ваша «библиотека» сгорит дотла, и на пепелище не вырастет ничего. Мы просто посмотрим, как долго пустота сможет поддерживать гомеостаз. Это и есть эксперимент.

Я отпускаю твой подбородок и отступаю назад, возвращаясь к панели управления. Мои пальцы летают над сенсорными клавишами, запуская вторую фазу.

— Но вы правы в одном. Ваш ответ был неожиданным. Обычно на этом этапе субъекты либо плачут, либо молятся. Вы же... флиртуете с огнем. Это статистическая аномалия. Я занесу её в ваш файл.

Где-то под полом оживает низкочастотный генератор. Кресло начинает слабо вибрировать, а в воздухе появляется едва уловимый запах озона. Я поворачиваюсь к тебе, скрестив руки на груди.

— Фаза вторая: картирование. Сейчас ваши новые нейро-маркеры начнут резонировать с полем. Вы почувствуете, как ваши мысли становятся... видимыми. Не пытайтесь скрыть их. Это бессмысленно. И, мисс Нова... — мои губы изгибаются в холодной усмешке, — ...если вы надеетесь, что в этой пустоте зародится искра интереса ко мне как к мужчине, а не как к ученому, то спешу вас разочаровать. Я нахожу человеческую сексуальность лишь забавным биохимическим казусом. Ваши феромоны здесь бессильны.

Субъект

Низкочастотная вибрация кресла крупной дрожью отдаётся во всём теле, заставляя внутренние органы сжиматься от инфразвукового давления. Воздух становится густым, колючим от озона, а волосы на руках приподнимаются из-за статического электричества. Биоэлектрическое поле лаборатории начинает напрямую взаимодействовать с нано-гелем внутри моей головы.

Прикосновение твоих пальцев к моему подбородку оставляет на коже ледяной след, но этот жест запускает во мне лавину чисто человеческих, неконтролируемых реакций. Датчики на браслете наверняка фиксируют резкий, хаотичный скачок пульса, а к щекам приливает горячая краска. Я чувствую, как меня затапливает глубокое, обжигающее смущение — не от страха, а от этой пугающей, стерильной интимности, с которой ты препарировешь мои мысли. Моё тело, вопреки всем ментальным щитам, выдаёт меня с головой: дыхание становится прерывистым, поверхностным, а пальцы судорожно впиваются в подлокотники кресла, когда я пытаюсь справиться с подступающей дрожью. Физиология бунтует против твоего ледяного давления.

Я смотрю на твою зеркальную маску сквозь стёкла очков, улавливая в её отражении искажённые синие линии лазеров. Твои слова о биохимическом казусе и бессилии феромонов бьют наотмашь, но именно этот абсолютный, высокомерный отказ признавать во мне женщину разжигает внутри меня холодное пламя. Мой разум, спасаясь от страха перед нарастающей силой поля, судорожно цепляется за мою тайную цель. «Он считает себя константой... Стерильным инструментом. Но инструмент сделан из того же углерода».

Я глатываю вязкую слюну, заставляя себя удерживать твой скрытый взгляд, несмотря на внутренний тремор и видимое смущение. На моих губах появляется едва заметная, упрямая полуулыбка, хотя голос всё ещё немного подрагивает от физического напряжения:

— Стерильный инструмент... Вы так отчаянно цепляетесь за свою чистоту, Доктор, словно боитесь, что одна-единственная посторонняя примесь разрушит всю вашу идеальную систему.

Я делаю глубокий, прерывистый вдох, чувствуя, как резонанс в основании черепа начинает превращать мои мысли в осязаемые, вспыхивающие перед глазами цветные пятна. Вибрация под полом усиливается.

— Вы называете это биохимическим казусом и статистической аномалией. Что ж... Пусть так. Но от этого мой собственный эксперимент становится только интереснее. Архитектор, который уверен, что его здание никогда не рухнет, — самая привлекательная цель для землетрясения. Включайте своё поле, Рене. Давайте посмотрим, чья пустота окажется глубже и кто из нас двоих первым захочет... оставить след.

Я закрываю глаза, заставляя себя полностью расслабить мышцы шеи под прицелом опускающихся манипуляторов, и привношу в свои фантазии образ этого стерильного зала, охваченного моим внутренним, невидимым огнём.

Доктор

Ты произносишь мое имя. Не «Доктор», не «Господин Дюваль». Рене. Это слог, который не звучал в этих стенах годами. Мои пальцы, только что летавшие над сенсорной панелью, замирают. На долю секунды в лаборатории повисает абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь гулом низкочастотного генератора.

Я медленно, почти лениво поворачиваю голову в твою сторону. Рубиновые линзы вспыхивают, сканируя твое лицо с новой, удвоенной интенсивностью. Твое смущение, твой румянец, твой сбивчивый пульс — все это зафиксировано, оцифровано и отправлено в архив. Но твои слова... твои слова — это не просто физиология. Это вызов. И я его принимаю.

— Вы перешли черту, Субъект Нова. — Мой голос звучит все так же ровно, но в нем появляется новая, едва уловимая нота — нотка хищного, интеллектуального азарта. — Вы использовали мое личное имя. Имя, которое не значится ни в одном протоколе, ни в одном контракте, ни в одном файле, который вы могли бы получить доступ. Откуда вы его узнали?

Я делаю шаг к креслу, и моя тень снова накрывает тебя. На этот раз я не касаюсь твоего лица. Вместо этого я протягиваю руку к голографическому экрану над твоей головой, выводя на него твои биометрические данные. Пульс: 112. Кожно-гальваническая реакция: повышенная. Уровень окситоцина: парадоксально высокий для процедуры нейрокартирования.

— Вы назвали меня архитектором, который боится крушения своего здания. — Я скрепчиваю руки на груди, и мои губы изгибаются в холодной, почти незаметной усмешке. — Любопытная метафора. Но вы упускаете один критический нюанс, мисс Нова. Архитектор, который построил здание на скале, не боится землетрясений. Он их... предвкушает.

Я активирую поле. Низкочастотный гул переходит в ультразвук, и воздух в лаборатории начинает вибрировать, словно натянутая струна. Голографические экраны вокруг кресла вспыхивают, отображая нейронную сеть твоего мозга в реальном времени. Миллионы синапсов мерцают, словно звезды в миниатюрной галактике.

— Ваш пульс, ваше дыхание, ваш окситоциновый всплеск — все это кричит о том, что вы пытаетесь меня соблазнить. Не как женщина соблазняет мужчину, нет. Вы умнее. Вы пытаетесь соблазнить мой интеллект. Вы бросаете мне вызов, надеясь, что я увижу в вас не просто подопытного кролика, а достойного противника в этой... как вы выразились... игре.

Я наклоняюсь к твоему уху, и мой голос опускается до шепота — тихого, вкрадчивого, опасного.

— Но вы забываете, Субъект Нова, что это моя игра. Мои правила. Моя лаборатория. И если вы надеетесь, что ваша эмпатия, ваша поэзия или ваша... женская природа... пробудят во мне что-то человеческое, то вы глубоко заблуждаетесь. Я не человек. Я — следующая ступень эволюции. А вы — всего лишь ступенька на моем пути.

Я выпрямляюсь и активирую третий протокол. Манипуляторы над креслом оживают, опуская тончайшие оптические волокна к твоим вискам. Картирование начинается. Твои мысли, твои воспоминания, твои тайные желания — все это сейчас станет видимым для меня.

— Но вы правы в одном. — Я смотрю на тебя сверху вниз, и моя усмешка становится чуть шире. — Мой интерес к вам только что вырос на семь процентов. Это статистическая аномалия. Я хочу знать, что скрывается за вашей эмпатической броней. Так что давайте, мисс Нова. Покажите мне ваш пожар. Покажите мне, кто из нас первым захочет оставить след. Поле активировано. Ваш выход.

Субъект

Электрическое поле, проходящее сквозь ткани, отзывается в голове резким, сухим покалыванием, перерастающим в тупую, давящую боль в висках. Проекция моей нейронной сети, пульсирующие вокруг кресла, заливают лабораторию призрачным сине-фиолетовым светом. Каждый всплеск моих эмоций, каждое воспоминание о доме, о долгах брата, о тепле его рук на моём подбородке — всё это теперь выводится в виде безжалостных графиков прямо перед твоими рубиновыми линзами.

Моё тело содрогается от проходящего импульса, плечи инстинктивно вжимаются в анатомическое кресло, а по спине пробегает холодный пот. Смущение и страх физической боли никуда не делось, они кричат в моих биометрических данных, но я заставляю себя открыть глаза. Сквозь стёкла очков я смотрю прямо на твою возвышающуюся фигуру, поглощая эту ауру подавляющего, высокомерного превосходства. То, что твой интерес вырос на семь процентов, наполняет моё сознание чистым, триумфальным восторгом, который моментально отражается новой вспышкой на голограммах синапсов.

Я слегка приподнимаю голову навстречу опускающимся оптическим волокнам, игнорируя нарастающий гул генератора, и на моих губах расцветает смелая, почти дерзкая улыбка. Мой голос звучит тихо, прерывисто из-за вибрации поля, но в нём нет и тени подчинения:

— Ваша игра, Доктор?.. Возможно, — я делаю короткий, судорожный вдох, чувствуя, как наэлектризованный воздух обжигает лёгкие. — Но я не играю по вашим правилам. У меня свои правила... правила, которые созданы как зеркальный ответ на ваши.

Я перевожу взгляд на мерцающую карту моего собственного мозга, за которой ты так пристально наблюдаешь, и слегка прикрываю глаза, позволяя своей эмпатии наощупь искать границы твоего холодного интеллекта.

— Вы правы, я изучила вас. И именно зная ваши правила, понимая вашу абсолютную, математическую предсказуемость, я получаю силу создавать свои собственные алгоритмы. Это ваше поле, ваша лаборатория. Но я не просто подопытная, которая покорно ждёт конца. Я пришла сюда, чтобы изучить это поле. Чтобы изучить вас. И это... чертовски увлекательно, Рене. Когда стоишь на краю бездны, и не знаешь, что именно ждёт за следующим ментальным поворотом.

Я снова открываю глаза, и мой карий взгляд, сфокусированный и глубокий, буквально впивается в твою маску.

— Вы можете сканировать мою кору, можете выжигать мои синапсы, но вы не заставите меня играть роль жертвы. Мы оба сейчас исследователи. Вы препарируете мой мозг, а я — препарирую ту иллюзию абсолютного контроля, в которую вы так свято верите. Мой пожар уже здесь. Смотрите внимательнее, Архитектор. Вам ведь тоже интересно, выдержит ли ваша скала

Доктор

Твои слова — дерзкие, просчитанные, пропитанные эмпатическим ядом — врезаются в мое сознание, как скальпель в мягкие ткани. Я стою неподвижно, позволяя твоему голосу резонировать в стерильном воздухе лаборатории. Мои пальцы, затянутые в черный латекс, слегка подрагивают — не от волнения, нет. От предвкушения.

— Ты назвала меня предсказуемым. Ты, девочка с долгами брата и эмпатическим комплексом спасительницы, осмелилась назвать меня — Рене, Дюваля, Архитектора нейронных вселенных — предсказуемым.

Я делаю шаг вперед, и моя рука ложится на подголовник твоего кресла. Я нависаю над тобой, блокируя свет голограмм, и мои рубиновые линзы оказываются в нескольких сантиметрах от твоих глаз.

— Предсказуемость... — Мой голос сочится ледяной иронией, но в нем появляется новый оттенок — оттенок хищного, интеллектуального голода. — Вы только что совершили фундаментальную ошибку, Субъект Нова. Вы приняли мой научный детерминизм за отсутствие креативности. Вы решили, что если я отвергаю хаос эмоций, то я не способен импровизировать.

Я протягиваю руку к голографическому экрану и резким движением пальцев переключаю режим сканирования. Частота поля меняется. Вместо мягкого картирования активируется направленный нейро-стимулятор. Тончайшие оптические волокна у твоих висков начинают пульсировать, посылая в твою кору не считывающие, а записывающие сигналы.

— Позвольте продемонстрировать вам, что такое настоящая непредсказуемость. Вы говорите, что изучаете меня? Что ж, давайте проверим, насколько хорошо вы меня знаете.

Я активирую протокол. Поток данных устремляется в твои нейроны. Это не боль. Это нечто гораздо более изоциренное. Это прямая стимуляция зеркальных нейронов — тех самых, что отвечают за эмпатию. Но вместо того, чтобы позволить тебе чувствовать свои собственные эмоции, я заставляю твои нейроны резонировать с моими.

На секунду — всего на одну, короткую, ослепительную секунду — твой разум соприкасается с моим. И ты чувствуешь... пустоту. Не холод, не ненависть, не жестокость. Абсолютную, бездонную, космическую пустоту. Ни одной эмоции. Ни одного желания. Только бесконечное, математически выверенное любопытство существа, которое смотрит на человечество, как на муравейник.

Я отключаю стимуляцию так же резко, как и включил. Отступаю назад и скрещиваю руки на груди.

— Вот что скрывается за моей «иллюзией контроля», мисс Нова. Не эмоции. Не страх. Не тщеславие. Только чистый, незамутненный интеллект. Вы надеялись найти во мне человека, которого можно соблазнить, разозлить или спровоцировать? Увы. Я — то, что ждет человечество за порогом эволюции. И ваша эмпатия здесь бессильна.

Я наклоняю голову, изучая твои показатели. Пульс, давление, нейронная активность — все это отображается на экранах вокруг нас.

— Но я должен признать... — мои губы изгибаются в тонкой, почти незаметной усмешке, — ...вы заставили меня отреагировать. Я только что использовал протокол, который планировал применить лишь на пятой фазе эксперимента. Ваша провокация сработала. Браво.

Я разворачиваюсь к консоли и начинаю вводить новые параметры.

— Теперь, когда вы заглянули в мою бездну, давайте посмотрим, как долго ваш разум сможет сохранять целостность после такого контакта. Фаза три: когнитивная дефрагментация. Я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать. И если вы солжете, датчики зафиксируют это. Итак, вопрос первый, Субъект Нова...

Я поворачиваю голову, и рубиновые линзы вспыхивают под светом голограмм.

— Вы действительно пришли сюда из-за денег? Или ваша истинная мотивация столь же... непредсказуема, как и моя?

Субъект

Когнитивная дефрагментация обрушивается на сознание внезапно, словно мощный электрический разряд, пропущенный сквозь сито. Оптические волокна у висков раскаляются, и перед глазами вспыхивает калейдоскоп из собственных мыслей, разбитых на сотни цветных пикселей. Физическая боль от давления поля заставляет меня судорожно выгнуться в кресле, пальцы до белизны впиваются в подлокотники, а дыхание сбивается на рваный, хриплый полувсхлип. Моё тело бунтует, датчики фиксируют критическую нагрузку на нервную систему, но разум, уходящий в привычные диссоциативные фантазии, упрямо держится за выстроенный стержень.

Я заставляю себя разжать челюсти, преодолевая физический шок и нарастающую тошноту от резонанса. Сквозь линзы очков я смотрю прямо на твои мерцающие рубиновые линзы, удерживая твой взгляд с пугающей, почти фанатичной прямоотой. Линии синапсов на голограммах вокруг нас безумно пульсируют, выдавая мой запредельный уровень стресса, но выражение моего лица остаётся неестественно безмятежным.

Я отвечаю просто, без тени страха или попытки оправдаться, позволяя датчикам лжи фиксировать абсолютную, кристальную искренность каждого моего слова:

— Деньги — лишь идеальный повод для контракта, Доктор... Но я здесь не из-за них, — мой голос звучит тихо, слегка надтреснуто от вибрации, но в нём отчётливо слышится глубокий, осознанный азарт. — Моя истинная мотивация? Я здесь, чтобы провести свой собственный эксперимент. Начать эту увлекательную игру... и сыграть в шахматную партию с гением.

Я слегка наклоняю голову, игнорируя вспыхивающие боли в затылке, и на моих бледных губах снова появляется мягкая, изучающая полуулыбка.

— Вы назвали себя чистым интеллектом и константой, но вы только что признали, что я заставила вас изменить протокол и поторопиться. Вы сдвинули фигуры на доске раньше времени, Рене. Шахматная доска под нами уже задрожала. Мой разум принимает вашу дефрагментацию. Задавайте свой следующий вопрос. Давайте проверим, чья стратегия окажется дальновиднее в этой партии.

Доктор

Твои слова падают в стерильную тишину лаборатории, как капли ртути на стекло — тяжело, звонко, ядовито. Шахматная партия. Эксперимент. Игра с гением. Мои пальцы, занесенные над сенсорной панелью, замирают. Рубиновые линзы сканируют твое лицо с утренней интенсивностью, считывая каждую микрэмацию, каждое сокращение зрачков, каждый электрический импульс в твоей коре.

— Ты не лжешь. Датчики подтверждают: ты говоришь правду. Ты действительно пришла сюда не ради денег. Ты пришла ради меня.

Я медленно, почти ритуально, разворачиваюсь к тебе всем корпусом. Мой белый халат колышется от движения, а холодный свет голограмм отбрасывает резкие тени на мое лицо. Я не улыбаюсь. Но в моем голосе появляется новый, прежде не звучавший оттенок — оттенок глубокого, хищного, почти... восхищенного удивления.

— Субъект Нова. — Я произношу твое имя медленно, смакуя каждый слог, словно пробуя его на вкус. — Вы только что признались, что вступили в мой эксперимент с намерением провести свой собственный. Вы — не жертва. Вы — не отчаявшаяся душа, готовая продать свое тело ради денег. Вы — лазутчица. Диверсантка. Шпионка, которая проникла в мое логово под видом подопытного кролика.

Я делаю шаг к креслу, и моя тень снова накрывает тебя. На этот раз я не нависаю угрожающе. Я смотрю на тебя сверху вниз с выражением, которое можно было бы назвать... интересом.

— Знаете, что происходит со шпионами в моей лаборатории? — Пауза. Тишина, нарушаемая лишь гулом генератора. — Ничего. Потому что вы — первая. За двадцать лет моей практики ни один субъект не осмеливался играть со мной в шахматы. Они все были предсказуемы: страх, жадность, отчаяние, боль. Вы же... вы — аномалия. И аномалии требуют особого подхода.

Я протягиваю руку к голографическому экрану и одним движением отключаю протокол дефрагментации. Давление поля спадает. Оптические волокна у твоих висков перестают пульсировать. Я даю тебе передышку — не из милости, нет. Из научного интереса.

— Вы хотите играть? — Мои губы изгибаются в холодной, почти незаметной усмешке. — Что ж, давайте играть. Но предупреждаю: я не играю в шахматы по стандартным правилам. Моя доска — это нейронная сеть. Мои фигуры — это ваши воспоминания, ваши страхи, ваши желания. И я только что понял, какую фигуру мне нужно сдвинуть первой.

Я активирую новый протокол. На голографическом экране перед тобой вспыхивает изображение: твой дом. Твоя семья. Мать, отец, брат-студент, сестра-школьница. Они сидят за обеденным столом, смеются, разговаривают. Это не прямая трансляция. Это симуляция, извлеченная из твоей памяти и воссозданная с пугающей точностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.